

УДК 172.12

И. Кумкин

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
проспект Вернадского, 4, г. Симферополь, Украина, 95007*

ПУБЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

Рассматривается роль и значение публичной сферы жизни общества.

Когда государство передает одну часть своих полномочий международным центрам власти, а другую часть делегирует местному самоуправлению, тогда на порядок возрастает значение публичной сферы жизни общества. Существенное ограничение полномочий государства пробуждает гражданские инициативы, выводит публичную жизнь из состояния летаргического сна.

В советское время публичность не могла претендовать на предмет серьезного анализа. Эту проблему никто не закрывал, за нее никого не преследовали. Она отсутствовала в своей естественной данности, заявляя о себе квазипубличностью. Вместо механизма формирования общественного мнения и согласованной воли народа через систему референдума и другие институты прямого волеизъявления, работал аппарат пропаганда КПСС (Коммунистической партии Советского Союза). С его помощью осуществлялась руководящая и направляющая роль Центрального Комитета Коммунистической партии СССР (Союза Советских Социалистических Республик). Идеологический аппарат партии обеспечивал массовую поддержку внутренней и внешней политики ЦК КПСС, а с помощью репрессивных органов блокировал любые попытки проявления несогласия с этим курсом.

Проблема публичного в Советском Союзе была решена своеобразно. Поскольку коммунистическое общество не признает частную жизнь, то и публичное, как альтернатива частному, теряет право на статус своего бытия. Публичное растворяется в общественном. Homo sapiens обретает статус человека, который «думает о Родине, а потом о себе», живет исключительно интересами общества, чувствует себя абсолютной частью целого. В этих условиях публичное трансформируется в общественное и заявляет о себе как квазипубличное или так называемое публичное.

Квазипубличное вытесняло частное и поглощало его. Частное могло существовать только подпольно в форме теневой экономики. В целом же частные интересы уступали место общему интересу: строительству коммунизма и формированию новой исторической общности людей – «единый советский народ». Моральной аксиомой общества строителей коммунизма являлось растворение частного в общественном и поглощение личности обществом.

Поскольку частное теряло свое место в общественной жизни, то и публичное не могло себя найти, ибо частное и публичное изначально заявляют о себе как парная категория социальной философии и теории права.

Если теория права рассматривает взаимосвязь частной и публичной жизни, то социальная философия определяет гражданское общество как ассоциацию свободных и суверенных граждан, где каждый преследует свои интересы, отдавая отчет, что его частная жизнь протекает в рамках публичной жизни. И в первом, и во втором случае публичность заявляет различными измерениями, заставляя исследователя искать то общее, которое проявляется в любом варианте.

Один из исследователей проблемы публичного, американский философ Джон Дьюи (1859-1952) в своей работе «Публичное и его проблемы» отмечает условное различие между публичным и частным. Демаркационная линия между ними зависит от последствия реализации публичного или частного интереса. Если воздействие на общество частного интереса значимо, то оно обретает публичный смысл. А публичное заявляет о себе как база (основание) кооперативного решения социально-значимой проблемы.

Если Джона Дьюи можно рассматривать как одного из первых, кто сформулировал проблему публичности и инициировал необходимость ее решения, то Юрген Хабермас этой проблеме посвятил свою диссертацию – «Структурная организация публичной сферы», где, раскрыв концепт понятия «публичность» и рассмотрев ее генезис, он обозначил формы взаимосвязи, взаимодействия, взаимообусловленности публичного и частного.

Публичная сфера – это особая область социальной жизни, где возникает возможность гражданского согласия. Но эта возможность обретает статус действительности только в условиях осуществления диалога, компромисса и толерантности.

Диалог – это форма интерессубъективного, коммуникативного взаимодействия, процесс двустороннего общения, располагающий смыслом и ориентированный на выявление взаимных интересов, поиск общей позиции, процесс согласования намерений и выработку целей, действий (стратегии и тактики). Для диалога, если он несет обоюдную заинтересованность, характерны открытость и ориентир на взаимопонимаемость и поиск согласия, который может закрыться согласованием позиций и найти свое оформление в соглашении.

Одним из наиболее приемлемых способов осуществления диалога является компромисс.

Компромисс – это демонстрация способности идти на взаимные уступки, достигать определенного соглашения. Но компромисс, открывая широкие возможности разрешения сложившейся проблемы, предполагает свои границы, которые ни одной стороне не дано переступать или уступать. В противном случае, реальностью становятся экспансия или поражение.

Настоящий компромисс исключает связку «победитель – побежденный». Он ориентирован на взаимную уступку на уровне частного интереса, чтобы добиться успеха на уровне общего интереса.

Диалог трудно представить не только без компромисса, но и без толерантности.

Толерантность – это позиция готовности принимать инакомыслие другого лица, допускать деятельность оппозиции в границах, очерченных общим интересом. Толерантность предполагает определенный уровень культуры отношений; искусство убеждать другое лицо только средствами обоснованной и логически выверенной аргументации; способность признать правоту другой стороны, признать свое поражение.

Политическая культура диалога, компромисса и толерантности превращает гражданское согласие из абстрактной возможности в конкретную действительность публичной сферы социальной жизни, которую не без оснований определяют как общественный Форум по вопросам, представляющих взаимный интерес. На базе общения и дискуссий складывается общественное мнение. Выступая субъективным фактором общественного развития, общественное мнение с учетом конкретных условий формирует представление о том, что нужно делать для оптимального решения актуальных вопросов в интересах всего общества.

Высоко оценивая публичную сферу жизни общества, Ю Хабермас имел все основания заметить, что в публичной сфере, которая опосредует отношения между государством и обществом, формируется публика как проводник общественного мнения. Эта публика в свое время одержала верх над секретной политикой монархов, а ныне обеспечила демократический контроль над деятельностью государства [1].

Публичное обсуждение актуальных проблем завершается стремлением не только выработать оптимальные пути их решения, но и принять самое активное участие в их практическом решении. В результате публичная сфера жизни общества как Форум выработки общественного мнения превращается в арену практических действий. Актный зал университета трансформируется в Майдан свободы. Слово находит свое продолжение в Деле. Теория воплощается в практике и подтверждается практикой. Публичность заявляет о себе как единство коллективного поиска гражданами оптимальных форм решения общих проблем и как сфера их практического осуществления через деятельность общественных институтов, больших и малых социальных образований [2-5]. В итоге складывается инфраструктура публичной жизни. Свое становление и развитие приходит общественный сектор жизнедеятельности общества. А поскольку общественная жизнь многоаспектна, постольку и содержание публичной жизни многообразно. Публичная жизнь включает общественный сектор экономики, службу социального обеспечения, ин-

ституты формирования общественного мнения, институты воспроизводства духовной жизни общества, общественных отношений и конкретного типа личности через проекцию определенных ценностных ориентиров.

Объем и значимость публичной сферы общественной жизни осуществляется по-разному. Претензия поглощения частной сферы публичной приводит к квазипубличности и тому может быть пример советской действительности. Вторая крайность заявляет о растворении публичной жизни в частном интересе, когда публичность выступает своеобразным приложением к частной деятельности, средством защиты и осуществления исключительно частного интереса [6].

В советское время частный интерес проходил по реестру теневой экономики и рассматривался через призму Уголовного кодекса одной из республик СССР. В этих условиях тотальный характер общественного мог породить только квазипубличность. Перестройка 80-х годов обеспечила в рамках постсоветского пространства другую крайность, когда надежды на оптимальный вариант переустройства общества трансформировались в собственную противоположность. Публичная сфера стала инструментом лоббирования групповых интересов. Она оказалась в руках клиентел (Клиентела – особый тип межперсональных связей, построенных на обмене ресурсами (благо, поддержка, лояльность, протекция) в форме дара и отдачи. Для клиентелы характерны неформальные связи, взаимные обязательства патрона и клиентов, различающихся по социальным позициям и доступу к важнейшим материальным и властным ресурсам. Модель клиентелы зарекомендовала себя в древних цивилизациях (семитской, греческой и римской). Она продолжает работать и в современном обществе в форме связи кланов и государственной бюрократии.), клановых группировок и коррумпированной бюрократии. Используя, сложившиеся в советское время стереотип доверия печатному слову, теле и радио вещанию, клиентелы эксплуатировали феномен сопричастности и демократизма (атрибуты публичной жизни), втягивая общество в свои авантюры; формируя через продажные средства массовой информации очередной миф для «толпы» и свою стратегию – тактику с ориентиром на осуществление своих собственных интересов. Но массы (общество) нельзя обманывать до бесконечности, тем более если конкуренты разоблачают этот обман, используя свои средства массовой информации. И тогда мифотворчество обнажает свою сущность, которая, как правило, прямо противоположная декларативным заявлениям очередных спасителей Отечества.

Общественное сознание проходит свою реабилитацию, осуществляя инвентаризацию «Слова», проверку его на готовность обеспечить адекватный ответ историческому вызову. Формируя критическое отношение к политике и деятельности государства, обыватель обретает способность не только смотреть,

но и видеть, различая «зерна пшеницы и семена плевела». Он заявляет о своей готовности прямо или опосредованно включиться в политическую жизнь страны, демонстрируя свою подлинную сопричастность и демократизм. Это включение обеспечивает поиск оптимального решения проблем общественного развития на базе органического единства индивидуального и общественного с осознанием того, что частная жизнь индивида осуществляется в обществе через публичную жизнь. В этой проекции и реализуется стихийная диалектика части и целого, осуществляется взаимосвязь элементов и системы, а публичная сфера заявляет о себе через свои специфические функции.

Важнейшей функцией публичной сферы является политическое просвещение. Субъектом этой функции на уровне теории выступает философия Просвещения и политология. Философия Просвещения в условиях трансформационных процессов переходного периода через образование и средствами образования обеспечивает возможность обрести образ оптимального поиска ответа на исторический вызов (ту или иную проблемную ситуацию), а политология через свои техники и технологии обеспечивает сравнительный анализ и адаптивность этих образов.

Наработанный опыт философии Просвещения и политологии формирует политическую культуру граждан и их сознание, помогает им сделать осознанный выбор своей позиции и обосновать эту позицию, обретя уверенность в свою правоту. Принимая участие в политической жизни общества, граждане лучше понимают логику своих интересов, осваивают искусство принимать в расчет интересы и аргументы оппонентов, находить точки соприкосновения (сопряжения) различных позиций; искать, а при необходимости и находить пути гражданского согласия. Овладевая искусством вхождения в публичную жизнь, граждане предпочитают войне и противостоянию формулу мира и согласия. Война только рождает иллюзию победителя. В действительности, как свидетельствует вся история человечества, миф о победителе развенчивается реальностью, где война делает своих участников прямыми или опосредованными побежденными.

Специфика вхождения в публичную жизнь такова, что ее мера обусловлена теорией, но определяется практикой. И в этом вопросе трудно переоценить воспитательный эффект всеобщих выборов власти. Ретроспективный взгляд в ближайшее прошлое, когда население избирало своего президента, а затем и органы власти центра и на местах, свидетельствует о важности этого опыта политического просвещения общества. В ходе этих выборов осуществлялся процесс трансформации населения, иронично именуемого электоратом, в народ, а народ, как правило, заявляет о себе через гражданские инициативы.

Гражданские инициативы – это своеобразная форма самоорганизации граждан для защиты своих интересов. Социальная база гражданских ини-

циатив разнородна, но, как правило, устойчивым субъектом гражданских инициатив выступают представители среднего класса. Через гражданские инициативы осуществляется привлечение внимания широких масс к проблемной ситуации. Общественное мнение складывается на собраниях и демонстрациях; формируется через сбор подписей и распространение листовок; через подготовку запросов депутатам, а также на пути формирования экспертных групп и альтернативных комиссий. Гражданские инициативы – это своеобразная форма гражданского самовыражения. Потенциал гражданских инициатив столь значительный, что может трансформироваться в самостоятельные демократические движения.

Любой опыт, даже отрицательный имеет свою меру позитивности. Грязные технологии, обман и фальсификации избавляют граждан от иллюзий и наивности, учат различать политику и демагогию, проекты и прожекты. Ситуация между «молотом и наковальней», выбор без выбора, заставили значительную часть населения уяснить бесперспективность ориентира на «хорошего барина» и задуматься о своих перспективах и перспективах своих детей. Опыт 2004–2006 года заставил размышлять больше чем вся отечественная и зарубежная теория. Этот опыт обеспечил индивиду возможность идентифицировать себя с людьми публичной сферы и заявить о своей мере ответственности не только за себя, но и за то общество в которое «встроены» он и его семья, его ближний мир.

К функции политического просвещения тесно примыкает функция артикуляции общественных интересов. Общественные интересы должны быть озвучены, должны обрести статус авторитетного слова, за которым может последовать и дело, если слово услышат и должным образом оценят. Артикуляция общественного интереса влияет на формирование повестки дня общественной политики. Она выступает своеобразным ферментом интеграции тех, для кого общественный интерес не декларация, а условие реализации частного (собственного) интересов. Артикуляция – это повод взаимного знакомства граждан и трансляция этого опыта в системе координат общественного развития.

Еще одна функция публичной сферы находит свое выражение в публичном контроле над состоянием дел в обществе. Это особенно важно, когда правящие структуры пытаются отгородиться от общества своеобразной завесой секретности. Общественность получает только ту информацию, в которой заинтересованы только первые лица государства. Поскольку полуправда хуже всякой лжи, то общественность живет в режиме постоянного недоверия к официальным источникам информации, пробавляясь слухами и вымыслами. В конечном итоге, в обществе зреет недоверие к власти. Нормой становится нигилизм как предпосылка формирования конфликтов и неправа. Хорошим примером разрядки конфликтной ситуации и

поиска диалога власти и общества можно рассматривать деятельность Общественной палаты России.

Общественная палата обеспечивает взаимодействие граждан с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод, прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Она формируется на основе добровольного участия в ее деятельности граждан, общественных объединений и объединений некоммерческих организаций.

Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общества.

Наряду с деятельностью по осуществлению экспертизы проектов законов и других нормативных актов, Общественная палата осуществляет сбор и обработку информации об инициативах граждан и общественных объединений. Она организует и проводит гражданские Форумы и слушания по актуальным вопросам общественной жизни, а также доводит до сведения граждан информацию о гражданских инициативах.

Деятельность Общественной палаты свидетельствует о реальных возможностях аккумулировать наработанный опыт во всех областях управления и самоуправления, обеспечивая мудрые и взвешенные рекомендации, лишённые каких-либо пристрастий. Похоже, что ее деятельность может стать ферментом взаимосвязи и взаимодействия центра и периферии, государства и гражданского общества, обеспечивая комплексный подход решения актуальных проблем общественного развития.

Через деятельность Общественной палаты, которая может стать реальностью в любом обществе постсоветского пространства, в том числе и в современном украинском обществе, прорисовывается еще одна функция публичной сферы. Это влияние на формирование государственной политики. По определению государство обязано представлять не групповые а публичные интересы общества. Подняться над корпоративными интересами, выразить и защитить общий интерес – в этом и заключается назначение и оправдание государства, его целесообразность и востребованность. Из этого следует, что государственная политика должна быть публичной. К сожалению,

она далеко не всегда бывает таковой. Бюрократические, партийные, этнические, конфессиональные, профсоюзные, молодежные и другие социальные интересы в определенных условиях могут обретать характер доминанты и тогда политика государства теряет свою публичность. Место диалога и поиска взаимопонимания, готовность к сотрудничеству занимают противостояния и взаимобвинения. В этих условиях торжествуют неправо и нигилизм.

Политика государства лишается публичной поддержки, а публичность обретает статус либо непримиримой оппозиции, либо статиста, который наблюдает, иронизирует, но принимает реальность как она есть. Что касается первого случая, то и положение оппозиции не реализует возможности публичной жизни и не обеспечивает осуществление ее функций. Оппозиция может демонстрировать не столько мнение общества, сколько интересы определенных сил общества, которые воспользовались отсутствием диалога и взаимопонимания общества и власти. Захватив центры влияния публичности, эти силы проводят защиту собственных интересов, выясняя отношения с правящей верхушкой средствами публичной сферы. В результате государственная политика и публичная сфера жизни общества оказываются заложниками либо интересов коррумпированной бюрократии, либо капитала олигархов. Но и в первом и во втором случае институт государства теряет публичную подпитку (поддержку). Судьбу этого государства может решить любой переворот. Что касается публичной сферы жизни общества, то она трансформируется в квазипубличность, оставляя индивида один на один с вертикалью власти, где прав тот, у кого больше прав.

Что ждет публичную жизнь современного украинского общества? Будет ли она нести на себе «крест» псевдопубличности, освобождая социальное пространства для очередной автократии? Или есть надежда, что ее усиление вполне возможно и завтра она превратится в бастион противостояния авторитаризма, заявив о себе средством профилактики очередных соискателей самовластия?

Эти вопросы равнозначны вопросам о судьбе Украины в целом и судьбе украинской демократии в частности. Пока что перспектива публичной сферы не выглядит оптимистично. Практика ближайшего прошлого и сегодняшнего дня освещается демократическими лозунгами, которые, по существу, являются прикрытием совсем не демократических процессов.

Исследуя целесообразность института государства, английский мыслитель эпохи Нового времени Томас Гоббс обосновывал эту целесообразность тем, что государство выступает гарантом личной безопасности населения конкретной страны. Кроме того, государство обеспечивает тот регламент жизнедеятельности народа, когда каждый индивид может располагать рабочим местом, а стало быть, и возможностью осуществлять свои витальные и социальные потребности. Ради этого стоит делегировать этому

институту (Левиафану) часть своих прав и даже платить налоги на содержание бюрократии (чиновников государства) [7].

Современное государство не выполняет свое назначение, не гарантирует безопасность своих граждан, не может должным образом создать и организовать систему рабочих мест, где каждый член общества мог бы найти свое применение, а не ехать за хлебом насущным в ближнее или дальнее Зарубежье. Устав от произвола чиновников и криминального беспредела, общество апеллирует к «сильной» руке, ибо для наведения стабильного порядка, по мнению обывателя, нужна не демократия, а хорошая дубина.

Такой поворот в политическом развитии страны вполне возможен. Он под корень рубит основания публичной сферы жизни общества, ибо авторитаризм не приемлет порядка, где граждане в каждом случае делают свой выбор, опираясь на собственный разум. Авторитарному режиму нужна не публичная сфера жизни общества, а та квазипубличность, где можно манипулировать общественным сознанием, создавая бесприигрышные правила игры, которые использовались на прошлых президентских и парламентских выборах. Авторитаризм может быть жестким на уровне осуществления самовластия или мягким в рамках существующей системы разделения ветвей власти и под контролем правящей элиты. Первая форма чревата государственными переворотами, а вторая при благоприятных условиях может эволюционировать в сторону реальной демократии, когда в полной мере будет востребована публичная сфера жизни общества. Выбор первого или второго варианта зависит от многих обстоятельств, проходящих по реестру условий и факторов общественного развития, диалектика которых может вызвать существенные сдвиги в общественном сознании. Новое качество общественного сознания может обеспечить консолидацию гражданских сил, способных защитить общество от коррумпированной бюрократии и посягательств со стороны клановых интересов, а также обеспечить дееспособность общественного мнения, вернув ему статус фактора формирования государственной политики.

Но публичная жизнь общества имеет и свои собственные слабости. С одной стороны ей противостоит обывательский конформизм, равнодушие и потребительство определенной части населения, разделяющего принцип «моя хата с краю». С другой стороны, в условиях неразвитого гражданского общества воздействие на общественное мнение «черных» политтехнологий столь велико, что под сомнение ставится статус публичной сферы как сфера гражданской активности. Это целенаправленное воздействие чревата трансформацией публичной сферы в квазипубличность с ориентиром на обслуживание не интересов общества, а на обеспечение деятельности клиентов.

Поэтому защита публичной сферы жизни общества на уровне теории и практики является актуальной необходимостью. От ее зрелости и полноценной востребованности зависит судьба гражданского общества и демо-

кратического развития в Украине. Свои усилия по защите публичной жизни общества должны осуществить не только ученые – обществоведы, но и такие институты гражданского общества как общественные ассоциации, творческие объединения и союзы, негосударственные организации, местное самоуправление, конфессии, различного рода массовые движения и те средства массовой информации, которые служат обществу, а не прислуживают отдельным его группировкам.

Формирование зрелого гражданского общества в Украине процесс длительный, но возможный, если его отдельные институты (при всей их слабости) все же способны защитить публичную сферу жизни общества, а стало быть, защитить и свое будущее.

В итоге можно сделать вывод о том, что публичная сфера жизни для украинского общества абсолютно необходима. Без нее все разговоры о гражданских инициативах, гражданском согласии и формировании зрелого гражданского общества в Украине ничего не стоят. Но пока что публичная жизнь украинского общества находится в стадии становления. Она еще не консолидирована на общенациональном уровне. Более того, она деформирована под «молотом» олигархического капитала и «наковальней» коррумпированной бюрократии. Ее влияние на государственную политику скорее условно, чем безусловно. В результате и государственная политика далека от подлинной публичности. Тем не менее, даже в нынешнем состоянии публичная сфера жизни общества рождает надежду на развитие демократии в Украине.

Библиографический список

1. Habermas Y. The Public Sphere, in "Readings in Contemporary political sociology" / Y. Habermas. — Oxford: Beackwell Publishers, 2000. — P. 288–289.
2. Гражданское общество России: перспективы XXI в. — СПб.: Изд. СПбУ, 2000. — 264 с.
3. Гражданское общество: истоки и современность. — СПб.: Юридический центр, 2006. — 368 с.
4. Розвиток демократії та демократична освіта в Україні. — К.: Вища шк.. 2003. — 728 с.
5. Чемшит А.А. Государственная власть и политическое участие / А.А. Чемшит. — К: Украинский центр духовной культуры, 2004. — 524 с.
6. Хайек Ф. Фатальная самонадеянность: ошибки социализма / Ф. Хайек. — М.: Наука, 1989. — 728 с.
7. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения в 2-х т. — М.: Мысль, 1991. — Т. 2. — 731 с.

Поступила в редакцию 20.11.2006 г.